

БЕССТРАШНЫЙ

ФАНТАЗЕР

Культура. — 1992. — 21 марта. — С. 6

В марте исполнилось 100 лет со дня рождения Касьяна Ярославича Голейзовского.

На долгое время была стерта с карты театральной жизни волшебная страна его хореографических фантазий. Только невероятная воля Мастера, поддержка преклонявшихся перед ним учеников, артистов, жаждавших прикоснуться к его искусству, вновь, уже на склоне лет Касьяна Ярославича, «вывели на поверхность» неиссякающий родник его вдохновения.

Голейзовского часто и справедливо называли новатором. Но очень важно то, что его новаторство зиждилось на почве огромной культуры — общей и хореографической. Он изучал славянскую народную хореографию, ездил по стране, записывая варианты хороводов, обрядов, игр и плясок, штудировал древние рукописи, хорошо знал языки — английский, французский, польский, персидский, таджикский. В своем балетмейстерском творчестве обращался то к стилю романтического балета («Теодлинда»), то к народному танцу («Придунайская чарда»), воссоздавал древнегреческую пластику («Дионис») и открывал новые выразительные средства пластики свободной («Концерт на музыку позднего Листа»).

Голейзовский работал в Большом театре и в мюзикхолле, создал свою хореографию «Спящей красавицы», свою редакцию «Бахчисарайского фонтана» и великое множество хореографических миниатюр. Широта его интересов, богатство знаний, помноженные на неумемную творческую фантазию, талант и смелость, давали блестящий художественный результат.

«Иосиф Прекрасный», поставленный в 20-х годах, стал одним из самых знаменитых спектаклей того времени. Великолепен был появившийся в 1964 году на сцене Большого театра его балет «Лейли и Меджнун» на музыку С. Баласяна.

Объясняя неудачу постановки своего коллеги, Голейзовский однажды написал, что виноват не талантливый балетмейстер, «а то, что его начальство — тупое до предела, отняло у него его творческий почерк в погоне за покойной «старой классикой».

Никакое тупое или жестокое начальство не могло «отнять творческий почерк» у Голейзовского. Именно поэтому его и заставили замолчать надолго, казалось — навсегда.

Никогда не гнался он за покоем привычных, устоявшихся форм «старой классики», хотя знал ее прекрасно. Голейзовский создал своеобразную апологию «поющего» человеческого тела. Его композиции — это поток свободно льющихся мелодий, музыкально и пластически «организованных», но глубоко естественных.

Замечательный балетмейстер страдал тем больше, чем яснее сознавал значение своей деятельности. С гордостью и по праву писал он о себе: «...в советской стране советский человек совершил реформу хореографии, которая получила мировой резонанс».

«Советский человек» — это звучит горько! Горько, ибо его реформа, его открытия были отвергнуты, у «советской страны» с ее тяготением к стереотипам и банальности, все новое вызывало страх и ненависть. Но, к счастью, Талант побеждает самые жестокие предрассудки своего времени. Имя, творчество Голейзовского стали легендой. И легенда эта живет.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.